

ебего

в историях

после

ДТП

Volga

Анастасия
Григорьева

Ivolga (Анастасия Каляндра)
Лето в историях после ДТП

«Автор»

2026

(Анастасия Каляндра) I.

Лето в историях после ДТП / I. (Анастасия Каляндра) —
«Автор», 2026

Иногда на дороге можно столкнуться не только с другими участниками оживленного движения, но и с участниками движения не менее шумного и динамичного - что внутри нас самих и других человеческих душ происходит. Столкнуться со страхами и обидами, с заблуждениями и комплексами, с ошибками и грехами, которые движутся на немыслимой скорости и сбивают всё доброе на пути. Их скорость так велика порой, что заметить их, разглядеть мы до времени не можем. Но случаются те происшествия, что останавливают их движение, да порой прямо-таки вместе с нашим же собственным, и тогда настает для нас время в конце концов оглядеться по сторонам, присмотреться к реальности, что внутри и снаружи. Увидеть плохое и отойти. Заметить хорошее и держаться поближе. На страницах этого небольшого сборника Вы найдете четыре дорожных летних истории, герои которых задумаются о своих и чужих недостатках, достоинствах, перспективах, найдут себя настоящих и людей, рядом с которыми настоящим быть просто. Приятного чтения!

Содержание

Голубь, который был важен кому-то	5
Два в одном	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ivolga (Анастасия Каляндра)

Лето в историях после ДТП

Голубь, который был важен кому-то

В моих рассказах обычно все, кто попал в ДТП, выживают. Ни разу я не бралась ещё за перо, чтоб мокнуть его в красные уж настолько чернила, чтоб никогда они не изменили свой цвет. Могу взять те, что подобны чернилам невидимым - те, что одним пишут будто бы цветом сперва, а потом, если их подсветить нужным светом - становятся самыми что ни на есть не трагичными, светлыми, безмятежными. Но сегодня впервые чернильница передо мной та, к которой притронусь я с содроганием, и некоторым чувством вины. Нет, я всё ещё не литературный убийца - я только хотела бы, чтобы голубь, который мне встретился на дороге недавно, а до меня ещё встретился, видимо, и какому-то невнимательному на дороге водителю, погиб в этом мире не зря. Пусть его смерть - такая бессмысленная, какой только и может быть - станет хоть вдохновением... нет, не вдохновением, конечно - но просто крючком спусковым неким для появления идеи рассказа, который сейчас Вы прочтете. И всё же, ведь не было мертвого этого голубя раньше в реальности литературной, а вот теперь я взяла и туда его перенесла... Будет это считаться тем, что я его просто перезахоронила таким странным образом на страницы, или же, всё-таки, я так убиваю какого-то из голубей, что порхали по миру литературы свободно до тех самых пор, пока я не пронзила пером своим одного, и не заставила быть персонажем истории?.. Но, во всяком-то случае, это хотя бы не человек... Просто голубь. Чего тут такого?..

Но вот для Дины, которая увидела сейчас на дороге убитого голубя, это не оправдание. Убить голубя просто так, без причины - не испытывая например невыносимого голода - почти то же самое для нее, что убить человека. Поэтому, когда ей Руслан сейчас так и сказал: "Дин, ну и че ты вся скуксилась?.. Из-за голубя этого, что ли?.. Серьёзно? Ну это же не человек, в самом деле..." - так Дина уверенно и возмущенно по отношению к ей неизвестному разгильдяю за рулем, в ответ на слова эти заявила: "И что, что не человек?.. Это ведь тоже жизнь, Русь... И вот так её просто убить - потому что тебе лень дожидаться, пока она улетит, или просто лень посмотреть на дорогу - это бесчеловечно... Тот, кто не ставит жизнь голубя ни во что - завтра может вот так же легко загубить и людскую жизнь. Это даже, если он не специально и не намеренно, а по чистой случайности. Есть же и те, кто ещё и находят в том наслаждение, чтоб живодерствовать..."

Дина поморщилась с отвращением на этих словах, для которых как будто бы жирною точкой как раз прозвучал хлопок двери их свадебного лимузина, которую Русик закрыл за ней.

- Знаешь... Не всё так серьёзно ведь в жизни, Дин?.. Правда... - продолжил он разговор, обойдя машину и сев на водительское сиденье довольно-таки далеко впереди. - Да брось его. - кивнул он на Динин букет, - Легче будет. - это имел он ввиду - чтоб она поскорей смогла справиться с платьем, застрявшим в двери, им закрытой, - Есть в жизни такие неважные вещи, которые не должны настроение портить, даже если они неприятные, правда. Особенно в такой день. Это природа - в ней всё динамичнее, чем у нас, и чуть более, знаешь, жестоко. Не усложняй. Я, может, просто какой-то вороне цыпленочка-табака сделал - одной птице хуже, другой, значит, лучше. Готова? Поехали?..

- Да... - Дина вырвала наконец защемленный подол из двери, не без ущерба для сетчатой ткани подюбника, и, осматривая ошеломленно то получившуюся небольшую дыру в ткани рваную, то слегка выдающуюся за пределы спинки кресла водительского спину своего широкоплечего жениха, уточнила настороженно, - Так... подожди... Это ты?.. Сбил?

- Я. И что?.. Я спешил к тебе - неся, знаешь, на крыльях любви, или как там ещё говорят?.. Не успел тормознуть. Дорогая машинка-то - бить по тормозам из-за голубя жалко. Потом ещё спросят с меня плюс к аренде.

- Русь... я... Ты, то есть, на этом же лимузине его сбил?.. - глядела растерянно в зеркальце над водителем Дина и разглядеть в нем пыталась любимого.

Не совсем-то любимого, если уж быть с Вами честной. Она никогда его искренне не любила. Просто, рядом с ним оказавшись, мгновенно под чары неведомые подпадала, или, вернее, под сильного его характера влияние, давление, и понимала, что здесь всё решили уже за нее. У нее просто нет совсем выбора: если Русик её хочет взять себе в жены, то это решенный факт, и отнекиваться бесполезно. Может быть, когда их отношения приобретут после свадьбы характер куда более близкий и родственный, чем сейчас (когда они просто встречались в кафе и театрах, гуляли по парку, да на канатке катались, общаясь всегда в шуме множества голосов и не имея возможности даже услышать друг друга на фоне простой тишины), так она и полюбит, узнав о Руслане какие-то более тонкие и глубокие истины, чем доселе знала. Возможно он скажет ей шепотом в тишине что-то мягкое, доброе, сильное, что заставит почувствовать Дину: её очень любят - а значит заставит любить и в ответ. Пока же, всё, что говорил Русик зычным своим низким голосом, неизменно веселым и беззаботно-заносчивым, было скорее, напротив, по отношению к ней неприязненным, обличающим, даже пристыживающим порой, только, правда, в веселую форму всегда обличенным. Да - с первых самых минут их знакомства, когда они только ещё в метро встретились в первый раз абсолютно случайно и заговорили, на сиденьях соседних сидя, он начал высмеивать (вроде как и по-доброму, но обидно для Дины, конечно же) то, как выглядит она, как ведет себя, о чем мыслит. Даже первые те слова его, с которых общение и началось - были: "Это какого дизайнера такого мазня?.. Я могу тебе и получше нарисовать, в случае чего, за шоколадку. А это, наверное, сто тыщ миллионов, да, стоило?" - и сказаны были они о раскрашенных Дининых кедах, которые запылились совсем у нее, когда были ещё одноцветными, тканевыми, а после того, как попала она в сильный дождь - так ещё и украсились дивно бесформенными потеками пыльно-коричневого оттенка - после чего, за неимением средств на покупку другой пары обуви, Дина попытку предприняла их раскрасить фломастерами как-нибудь, что получилось довольно нелепо и странно, действительно, но хотя бы уж не безобразно-неряшливо выглядела теперь обувь, как было до этого. Ей немножечко стыдно ходить среди людей в кедах этих раскрашенных было, но успокаивала себя девушка тем, что, и правда, напоминали они вещь дизайнерскую, уникальную, с очень странным, конечно же оформлением, но и с некой претензией за счет этого на вещь люксовую. Да и с её остальным неформальным образом подростка-бунтарки, который с ней до сих пор оставался, на то не смотря, что давно бы ей следовало его перерасти, кеды эти отличнейше гармонировали. А теперь вот признаться стыдливо пришлось в том, что это сама она всё рисовала и мера была просто вынужденной, а не намеренной. Вот с этой темы и начался разговор. Тут же Русик узнал у нее - почему она так необычно картавит в таком-то внушительном возрасте?.. Это, наверное, какой-то неизлечимый дефект?.. И мгновенно почувствовала себя Дина крепко привязанной к этому незнакомому человеку досадным, царапучим таким чувством вины, стыда и желания оправдаться и, что ещё больше - чувством что, вот, с человеком-то этим они сейчас разойдутся мгновеннейше в разные стороны, как мгновенно с ним и сошлись, и останется он о ней мнения слишком плохого, неважного, невысокого... И так очень мало людей

в этом мире, которые к Дине бы хорошо относились - а именно ноль - и ей не хотелось бы очень сейчас отношение и ещё одного человека, кем бы он ни был, испортить, забраковать, потерять. Да - кем бы ни был, каким бы он ни был... А, надо сказать, что ей сразу ведь не понравились его наглость и прямота, с оскорбительной дерзостью даже граничащая. Её возмутила манера общения его и то, что он с нею стал сразу на "ты", хотя Дина ему незнакомый совсем человек... Да - это вызвало в ней неприязнь, возмущение... но вместо бунта против такого с собой обращения, который хотелось начать её вольной натуре, который бы соответствовал её внешнему облику, она почему-то, напротив, тотчас превратилась внутри самовольно в раба, что покорно готов указание любое исполнить и волю любую хозяина выполнить, лишь бы только чуть-чуть уважения к себе заслужить. Да и, к тому же, он так себя вел с ней свободно - так весело, так открыто и прямо с ней говорил - дальше, дальше и дальше - о тех недостатках её и изъянах, нелепостях внешнего вида и стиля, о несоответствии её истинной сути всему тому облику, что она придает себе, о её, вероятно, проблемах с ментальным здоровьем, что были её самым личным - что мысль в её голове появилась внезапно: "Должно быть, я так прямо всё это обсуждать только с мужем смогла бы, если б такой появился. Наверное - это и есть он." Но Дина немножечко собственный шаг к откровенности, который бы сделала, может быть, к мужу в семейной жизни, путала с шагом, который к ней сделали, но не чтоб откровенничать о себе - а чтоб вынудить разоткровенничаться. То, что силой её заставляли обсуждать вещи стыдные для нее, и поэтому скрытые от всех внешних, она перепутала с тем движением души, что в самой родилось бы в ней, может, однажды под воздействием не как теперь силы характера собеседника, но силы доверия и любви. Ей подумалось: "Раз я теперь говорю с ним открыто - значит он и есть тот: тот единственный, с кем я смогла бы себе это в жизни позволить." А ещё непонятное чувство - похожее одновременно на страх и на удивление, на стыд и на раскаяние, на подтверждение того, о чем раньше она уж догадывалась, но не имела достаточных подтверждений - в ней появилось из-за того, что за первый их разговор, в шуме большого метро состоявшийся, Русик столько всего в ней подметил такого, между делом, что однажды уже замечал и обличал в ней другой человек - самый близкий на свете - её, Дины, мама. Она маму видела в последний раз ещё в шестнадцать, ещё до того как они с ней рассорились окончательно, и ушла Дина вовсе из дома, после чего и живет одна-одинешенька, одичав совсем духом в уединении своем - но до сих пор помнит краем сознания многие замечания, что ей делались, вот, по поводу тоже простых но досадных её недостатков - таких как сутулость, картавость, которую Дине не удавалось никак побороть, привычка забавно и странно немножечко шмыгать носом без повода и начинать в словах путаться, когда объяснить что-то людям пытается... И многое что ещё (уж не буду всё упоминать, чтобы Дину не слишком позорить), касаясь её нового дерзкого стиля одежды, причёсок и макияжа (которыми скрыть ей хотелось свои недостатки), да и вообще - образа мыслей и жизни. Всё это живет в ней с тех пор, ощущением что она странная и нелепая, неуклюжая и немножечко не культурно себя ведет, как бы там ни старалась. Хотя сама Дина, как вольная очень натура, давно внутри признает только бунт против этих внушений (отчасти, конечно же, справедливых), но и всегда неосознанно чувствует, что сама виновата в их существовании, и что сама недостаточно над собою работает, чтобы справиться полностью со всеми досадными недостатками. Замечания по поводу этих же недостатков мгновенно и Русика делали кем-то немыслимо близким, родным - почти столь же, как самый, до этого, близкий ей человек - и заставили Дину внутри себя ахнуть и пристыженно замереть в осознании страшном: "Я, правда, сама виновата... Я, и правда, такая, какую меня всегда мама бранила, какую пыталась тогда изменить... И я до сих пор ещё не изменилась. Я не прислушалась. Я бунтовала зачем-то, когда нужно было меняться, и вот - упущу сейчас человека из жизни, который быть мог бы мне другом, а станет теперь никем - тем, кто испытывает только лишь отвращение ко мне..."

Это было отчасти и справедливыми рассуждениями. Ведь Дина, действительно, поступала всю жизнь очень странно: она бунтовала внутри себя против тех, прежних, маминых замечаний, пытаясь не признавать их, ну и в работу не брать, соответственно. Ей казались они слишком, слишком обидными - несоответственно их реальной величине - неоправданными, предвзятыми. А значит - их брать во внимание было бы равносильно тому, чтоб признать самой их справедливость. Но если б признала она и исправила те недостатки, которых стыдилась всегда всё равно, даже не признавая - то стыд, неуверенность и зажатость исчезли бы вместе с ними, и ни одни, ни другие не привели бы к таким разговорам, как этот вот, первый, с ещё незнакомым ей Русиком, а во время того разговора опять не пришли бы к ней с требованием их признать, отвечая им на которое, она автоматом признала и Русю, пришедшего с ними.

Дина проехала свою станцию, потому что вот так просто выйти тогда из вагона, не убедив ещё человека в том, что она - просто ходячий набор недостатков - или хотя бы не извинившись за них хорошенько - казалось невыносимым. Она вышла с ним из вагона на незнакомой ей станции, и за разговором с ним вышла на улицу. Ещё чуть прошла вместе с ним там, как будто бы собачонка на поводке на невидимом, и когда только он заявил что хотел в магазин зайти этот вот, по пути - наконец с ним рассталась. А телефонами обменялись уже, и уже этот Русик записан был в сердце её а не только лишь в списке контактов. Да записан был буквами яркими, громкими, крупными - вот такими же, как и сам он - они были выжжены в сердце её жгучей болью, обидой (причем на саму же себя), и желанием как-то исправить всё то, чему Дина причиной на свете.

С тех пор их общение стало почти постоянным, а встречи на улицах города регулярными, и не замедлило прозвучать предложение о браке. У Русика не было склонности романтизировать отношения эти (ну, кроме как в шутку порой), и даже само предложение руки и сердца он сделал в обыденной для него иронично-снисходительной, великодушно-саркастической форме, которая Дину одновременно от него и отталкивала и к нему же привязывала крепко-накрепко. Она согласилась. И, да, Дина знала (ведь Русик того не скрывал), что каких-то особенных чувств он к ней, в общем-то, не питает. Но просто он человек хваткий, ловкий - делец, одним словом, кующий судьбу свою, как ему кажется, собственноручно - и нужно ему, чтобы в жизни всё было налажено - как у людей, и без всякого недостатка. Машина должна быть, дом, бизнес, жена, путешествия, спорт - в общем всякое благо и всякий успех, что возможны на свете. И вот, точно так же, как он, не влюбляясь в машину, её себе приобретает, решив что характеристики средства передвижения этой конкретной модели его соответствуют требованиям, и точно так же, как сам он качается, массу мышечную свою чисто технически наращивая, не проникаясь особенным чувством к своим всяким бицепсам, трицепсам, а просто решив, что они ему могут полезны быть для здоровья и имиджа - так же и Дину он хочет добавить в картинку своей полной жизни (чтоб стала та даже ещё полноценнее) распознав просто в девушке этой полезные, нужные ему свойства, способности, качества, характеристики. Она добрая, скромная (как бы там ни старалась нелепо краситься и одеваться), стыдливая, застенчивая, покорная, послушная (особенно если ей правильно управлять), ответственная, работающая - чем не жена?.. Она просто удобна. "Ты толковая девчонка. - так Русик ей выразил вкратце то, почему он её решил в жены взять, - Могли б поладить. Хочешь - обженемся - я из тебя человека совсе-еем тогда сделаю!.. Доведем до ума нашу Динку!" И раскатистый смех - такой как обычно: широкий, радушный, какими, наверное, были б на вид и объятия этого широкоплечего детины, если б однажды он ей их раскрыл - довершил собой фразу. Этот смех прогремел и опять послужил оправданием, как и всегда, для обидных, казалось бы, слов, что прощались тотчас же ему только благодаря добродушному, вроде бы, абсолютно настрою. И в тот раз они тоже простились. Дина сказала "Да", хотя понимала, что подписалась на роль скромной служки, довольствующейся и дальше лишь тем, что к ней будет радушный большой

человек снисходителен, и позволит жить у себя под крылом, да учиться и дальше всегда у него уму-разуму.

Это, с обеих сторон, не была любовь. Но, тем не менее - вот, они ехали в лимузине на свадьбу, где скоро увидится Дина уже во второй раз в своей этой жизни с родителями жениха, и его женой станет. Сегодня она не вернется уже сюда - на квартиру свою арендованную, где сама собралась к торжеству, и откуда её уже Русик забрал - и, возможно, совсем не вернется жить больше. Всё будет иначе уже совсем скоро. Всё будет по-новому. Этого Дина и ждет, и боится. Впервые, наверное, ей вскоре удастся наедине пообщаться с Русланом, когда они вместе приедут к нему в дом, и наконец-то оставят весь шум мира где-то за дверью. Ей почему-то тревожно: а вдруг в тишине он окажется не таким, каким был ей привычен на фоне людской толпы?.. Вдруг... Вдруг... Она даже толком не может представить их разговор в тишине, вне влияния мира - как будто бы он невозможен. Как будто бы Русик не существует отдельно от общества и растает, исчезнет, как только его отделит от других людей хоть дверь квартиры. Диковинное ощущение, но она с ним не в силах пока ещё справиться. Хотя...

Разглядеть пытаясь лицо жениха в зеркале, Дина сообразила, что наедине с ним она и теперь - в лимузине ведь больше совсем никого. Но как будто бы это не то. Они не говорят с ним лицо к лицу - она видит лишь краешки только спины, и почти тщетно ловит его отражение в зеркале - они далеко друг от друга, они всё ещё среди мира людей - посреди оживленного едут шоссе - а поэтому, уж наверное, этот мир ещё здесь - никуда не исчез.

- Да, именно что на нем. А на чем же ещё?.. У меня с пол восьмого аренда. Я взял его и поехал букет тебе забирать, а потом сюда сразу. Сейчас пригоню к ЗАГСу, а потом уж Женек, меня сменит - за руль сядет, нас повезет. Он толковый малый - надеюсь не разобьет нам машинку. А разобьет - ну так сам и заплатит...

- Русь... ну... Ты мог попытаться хоть притормозить. Ты по двору ведь не на огромной-то скорости едешь - а особенно на лимузине таком - длинном и дорогом... Это было б не сложно...

- Да. Ну и что я б потом ждал ещё пол часа, пока птичка изволит убраться с дороги?..

- Нет... Ну, можно ведь выйти, согнать его, сесть обратно...

- Ещё чего!.. Я туда-сюда должен залазить-вылазить, чтоб только какого-то сударя попросить отойти, раз, тупому ему, самому непонятно?.. Дин, будь чуточку жестче - тебе зубов не хватает. Так в жизни ты будешь всегда на задворках. А жена лидера не должна быть лохушкой. Тебе научиться рычать надо, Дин!.. Ты же мой динозавр, да, Динка?.. Ну?.. Ну, скажи: р-ррр-рр-рр...

- Не скажу. Не умею. Сам знаешь.

- Научим. Ниче!.. Будет месяц медовый - найдем логопеда, исправим ситуацию.

Дина быстро притихла и перестала вступаться за голубя после того, как напомнили ей про картавость - изъян её собственный. Но настроение праздничное, коего и до встречи с пернатым у девушки не было толком, ушло совсем теперь и возвращаться не собиралось, хотя в пути Русик шутил постоянно про то и про се, но все шутки его теперь виделись, слышались ей сквозь картинку, увиденную на асфальте у дома. Букет даже - белый и чистый, такой свежий, благоуханный - казался запятнанным кровью, смердящим. Всего-то лишь голубь. А Дине он всё внутри перевернул и потряс своей смертью нелепой, ненужной, у всех на виду происшедшей

и никому даже не интересной. За голубя вовсе никто ведь не вступится, не подумает вовсе о нем сожалеть... может быть даже и не узнает. Сейчас уберут его коммунальщики быстренько с глаз долой, да и всё... Он один в этом мире, не нужный здесь никому, как и Дина сама. Кому дело есть до того, что она в том же самом дворе сейчас, может, в последний раз своей была абсолютно живой?... Может быть этот брак - её смерть. Смерть, по крайней-то мере, свободной её, независимой воли, её прежней жизни, ни с кем в этом мире не связанной, ни от кого не зависящей. Дина ведь чувствует, что не сможет жить с Русей по-прежнему - так, как раньше жила без него. Даже только общение с ним на большом расстоянии - и то уже заставляло её изменять много самых привычных вещей и деталей её повседневнейшей жизни. На этом его власть над ней ведь и строилась. И чтоб не потерять её - Русик наверняка будет дальше и дальше её вынуждать всё меняться, меняться, меняться. Когда она полностью всё изменит в себе и своем бытии - наверняка он начнет менять вновь. А потом вновь. И вновь. Как ремонт в той квартире, которая не мила сама по себе, бесконечно всё переделывать можно, да переделывать, но хочется опять и опять менять что-нибудь будет, чтоб, может быть, стало приятней там жить. Но, пожалуй, лишь переездом вопрос этот можно решить окончательно.

Дина будет всегда подчиняться теперь воле мужа - она это знает. Свою ей пора теперь где-то оставить в былом. И, должно быть, ей нужно считать это счастьем, ведь хоть один человек согласился взять в жены её - такую, к которой другие и приближаться-то не захотят из-за всех её явных изъянов, нелепости странности. Должно быть - так... Только это не ощущается вовсе как счастье. Рассудок подсказывает, что наверное это оно - а вот сердце не хочет пока с таким "счастьем", ему уготованным, соглашаться. Ему невдомек что сейчас вот-вот полетит оно на острова после свадьбы, где никогда бы и не побывало, возможно, без Русика, и жить будет в новой красивой, просторной квартире, какой у него, может быть, никогда без него бы и не было тоже. Возможно оно никогда бы не ездило на машине, не встреть оно этого человека - того, кто спустился в метро, где и встретился с Диной, всего только раз, потому что машина заглохла - не ездило бы ни на дорогом его джипе, ни на таком, как теперь, арендованном лимузине... Да, сердцу на это плевать. Оно только яро, отчаянно возражает на всё это: "Я без него никогда бы не ездило на лимузине, который сбил голубя просто так, без нужды и без цели! Я без него никогда не жило бы в квартире, где буду себя ощущать не женой, а прислужгой, нахлебницей, лишней обузой, которую терпят, которой хотят дать какое-то будущее! Я никогда без него бы не полетело на острова, где я буду так далеко от своей прежней жизни морально, физически и духовно, что даже не знаю - как мне это переживать в тех условиях, когда не с кем мне будет и поделиться своей растерянностью..."

В общем, сердце опять бунтовало, но разум опять побуждал покориться.

"Может быть, - Дина думала, из окна лимузина глаза растерянны на лесок, что по краю шоссе растянулся, - В этом всё моя, снова, вина. Перед мамой ещё - всё та, прежняя... Я была ведь несносным ребенком - я никогда не воспринимала к себе замечания как помощь: всегда только как оскорбление. Я не хотела смириться с тем обличием, в чем бы ни было, что пошло б мне на пользу. Я бунтовала всегда против, и... что теперь?... Я теперь так привыкла к тому, что со мной никого, что никто обо мне в этом мире не знает и не беспокоится, никто меня больше не любит, не хочет знать (почему?... Я сама отвращаю всех недостатками теми, с которыми не захотела бороться...), и я цепляюсь за первого же, кто решил протянуть мне вновь руку. И я смиряюсь уже с настоящими оскорблениями, я не бунтую уже против, правда, надуманных даже придираков, я признаю себя тотчас виновной и не спорю с тем, что должна измениться, но ради того, кто мне ни уважения не внушает, ни даже любви. Ради того, чтоб он просто был рядом. Я не хотела увидеть однажды в разумных обличиях любовь, и признать, что они мне во благо - теперь же я в глупых пытаюсь её рассмотреть, не смотря на то даже, что знаю: меня они лишь разрушают. Я в любящем человеке увидела только тирана. А вот в тиране теперь - хочу любящего разглядеть. Кто я ещё, если не дура?..."

Сердце Дины жечь стал, ещё смутно пока различимый, стыд за всё то, что она в своей жизни наделала, за тот бунт глупый, волю которому не в том месте дала, не в то время... не с тем человеком... за то что, наверное, продолжает его до сих пор, и чтоб только не ранить его основного зачинщика - гордость - готова всю жизнь свою разом угробить, похоронить в дорожной квартире с чужим ей по духу и образу мыслей, с совсем нелюбимым, и даже не любящим человеком, свою волю здесь вовсе убить (вместе с гордостью той же, что уцелеет, зато, в другом месте) чтоб только не потерпеть поражения в битве, уже много лет назад начатой, что она до сих пор ведет внутренне за свое право не ориентироваться на мнение мамы. За то, что она не пыталась никак помириться и... даже не то что признать, что была не права - хоть пригласить даже маму на свадьбу, которая стать должна Дининым личным триумфом: "Вот видишь, мам?.. Я и сама, без тебя, нужна в мире кому-то. Меня кто-то любит и ценит. Да вон какой славный, успешный жених у меня!" - нет. Хотя это всё она делала ради того, чтобы маме замену найти, чтобы маминой правоты не признать, чтобы ей показать, как же та не права - Дина, всё же, не потрудились теперь поискать даже маму и в ЗАГС позвать, чтоб триумф этот был хоть заметным. Да, физически это бы, правда, ей нелегко было сделать, ведь обрубила она с ней все связи давно - ещё в бытность бунтаркой-подростком, который хотел отстоять свое право жить так, как ему только вздумается. Они вместе с мамой переезжали сюда из другого города и должны были заселиться на новое место - куда, ещё Дина не знала. Рассорились на вокзале, и убежала она от нее со своим чемоданом, чтоб строить теперь свою новую жизнь, а поэтому место жительства мамино так и осталось ей неизвестным. Возможно её и искали. Возможно и нет. Но с тех пор Дина с мамой и прочими родственниками не пересекалась. Жила одна. Наконец-то покрасила волосы так, как хотела - отдельные прядки её волос темных приобрели тогда вид ярко-красной лавы вулкана гавайского, вырывающейся местами из темных пород - нашла подработку, которой хватало чтоб прокормиться и комнатку снять, а потом и квартирку, так одевалась, как нравится (нелепо и броско, чтоб этою странностью имиджа скрыть странность собственной внешности, что смотрелась, как Дине казалось, уж слишком нелепо в обычной одежде), всегда всего добивалась сама, каждым действием маме доказывая (хоть та об этом и знать ничего не могла), что может сама всё, и справится в одиночку, и жить ей ни капли не хуже одной... Жить, конечно же, было значительно хуже, но... Одиночество платой за эту свободу бунтарскую было. Сто тысяч разных знакомых за всё это время у Дины, конечно же, появилось - с кем вместе квартиру снимали-делили, с кем вместе работали или пересекались на подработках, с кем просто познакомились где-то на свете. Но все люди были до ужаса неродными, далекими. Дина мало кого подпускала сама к себе близко. Мешала дичайшая неуверенность и в себе, и в других, за, казалось бы, дерзким, свободным от комплексов имиджем скрытая. По сути, хотя себе Дина ещё не призналась в том - она не собиралась жить, а потому и не живет до сих пор, абсолютно отдельно. Она лишь хотела родным доказать, что способна быть самостоятельной и не зависеть от мнения их, что ей хорошо без влияния близких живется, а потом уж - лелеяла она в тайне и от самой себя даже надежду - опять будет жить вместе с теми, без кого жизнь не мила, но уже не испытывая на себе давления чьей-либо воли. Да, в тайне она всё надеялась снова вернуться в семью, а не жить окончательно от нее отделившись. Наверное поэтому жизнь её в годы последние полужизнью была - свобода её была полной, и возможности шире некуда строить новые отношения с людьми и себя строить новую - но она ни того, ни другого не делала, просто удерживаясь между прошлым и будущим в том состоянии, в каком и сбежала от близких когда-то. Она была тем же подростком - растерянным, не нашедшим себя - только ищущим неуверенно - но намеренным насмерть бороться за то, чтобы в поиски эти никто не влезал. Так устала она от такой жизни в полной готовности, что сложила оружие и отдала право всё за нее решать первому встречному. А не так же ли просто сейчас было б ей помириться и с мамой?.. Смириться пред ней и позволить участвовать в своей жизни, как Русу?.. Но... даже если бы Дина и захотела - то где искать маму, теперь неизвестно.

Они наконец-то подъехали к ЗАГСу и высадились. Руси родственники и друзья уже тут. С другой, Дининой, стороны - никого. Словно бы её взяли из ниоткуда и приютили. От этого чувствует Дина себя здесь малышкой-сироткой в кругу своих добрых больших благодетелей. За ней - никого. Она одинока, бесхозна и незащищена. От этого перед близкими Руси - её новой, если так можно сказать, и приемной, семьей - она чувствует себя подавленной, пришибленной, обязанной, смиренной. Здоровается Дина любезно у ЗАГСа с папой и мамой Руслана, и размышляет о том, чем её эти новые "папа" и "мама" от собственных отличаются. Её "мама" новая, Анна Сергеевна, и "отец" Виктор Дмитриевич, в целом достаточно снисходительно принимают "дочурку", хотя и немного скептически к выбору сына относятся, явно. Они - люди очень серьезные, чопорные даже в чем-то, в отличие от сынка. Рядом с ними ты чувствуешь неосознанный страх, или даже скорей невозможность несоответствовать их пониманию вещей. Руся с ними немножко свободнее Дины ведет себя, и пытается быть совершенно раскованным. Но и он, видно, чуть притихает, чуть окультуривается, чуть осторожнее двигается, говорит, даже дышит, когда мама с папой рядом. И та его даже свобода в общении, которую он себе позволяет с родителями - внушает, за ней наблюдающей Дине, незримую нервную дрожь. Руся сам понимает, что мама и папа его не простые родители, а с сильной волей и очень высокими требованиями. Поэтому перед их первой встречей с невесткой, внушил Дине необходимость сменить её имидж (который и так уж она изменила почти совершенно за время общения с ним, чтобы чуточку выглядеть более адекватно реальности, и насмешек радужных с его стороны избежать), и вот, перекрасила волосы вновь она в натуральный свой цвет... Это было до ужаса странно: свои перекрашенные в красный пряди окрашивать в их изначальный тон, чтобы они стали одновременно и натуральными и искусственными. Одно дело - это когда они натурального цвета естественного. Это ясно. Другое - когда они крашенные, цвета им совершенно несвойственного - тоже вроде понятно, привычно, не удивительно. А вот когда они в натуральном своем цвете, но и крашенные в то же самое время - так это совсем как-то сложно осознавать. И, тем не менее, волосы были покрашены, макияж был совсем нежный, женственный водружен на лицо, непривычное к оформлению подобному, платье - тоже красивое, женственное, одновременно с тем, что и строгое, было выбрано ей вместе с Русиком, знающим предпочтения родителей, и в зеркале лифта, которое показало весь результат получившийся Дине, пока они поднимались в элитном ЖК на этаж, где их ждали родители, она девушку увидела какую-то малознакомую, но уже где-то раньше встречавшуюся... Где?... Ах да - где-то так ведь хотела, наверное, чтоб Дина выглядела, её мама родная. Примерно такой ей она бы обрадовалась и примерно вот против такой бы не стала совсем ничего возражать так, как против той Дины, что одеваться и краситься маргинально хотела Папа тоже, наверное, рад бы такой её видеть был. Просто с ним и не виделись толком - он вахтовик, и когда дома всё же бывал (очень редко, и зачастую всего на пол дня повидать семью приезжая) так и дело не доходило до имиджа дочки и до того, чтоб его обсуждать. Мама тоже не часто была дома - много работала. Но, конечно же, чаще, чем папа - почти каждый вечер они с дочкой виделись и почти, так же, каждое утро. У мамы - у вечно усталой, измученной, выжатой женщины, чьи тяжелые средние годы стремительно исчезали в воронке грядущей старости, что засасывала в себя с каждым днём всё сильнее и сильнее её кожу, и силы, и даже здоровье - почти совсем не было времени как-то участвовать в жизни невидимой, внутренней дочки своей. Она не могла - сил и времени не было - разбираться в том, что она чувствует, о чем думает, сожалеет, мечтает, какие в душе её комплексы обитают и наоборот - чуть завышенные о себе представления, мнения - чего она в жизни стесняется и стыдится, к чему стремится, как ищет себя, почему хочет так или эдак теперь поступить, так или эдак выглядеть, тем или этим заниматься, увлекаться, тем или этим пренебрегать. Мама слишком была глубоко в круговерти проблем бытовых, но обязанность и желание природное как-то нести хоть за дочку ответственность и участвовать

в жизни её побуждали хоть явно нелепое, странное, непонятное ей и опасное может быть для судьбы дочки, всё-таки замечать и пытаться на это хоть как-то воздействовать. Да, конечно свободолюбивую Дину немислимо возмущало то, что ей диктуют, навязывают образ мыслей и жизни, не понимая мотивов её поступать по-другому, не разбираясь и не вникая в её мир душевный, и так изъязвленный своими и комплексами, и неуверенностями, и страхами - да, она бунтовала поэтому против этих, как будто бы внешних, как будто совсем чужеродных влияний, воздействий, внушений, её мир душевный никак не учитывающих... Но разве родители Руси не дальше ещё от души её, чем была тогда мама?.. Они её даже не знают, не видели даже ещё - а для них она уж изменила себя так послушно, покорно и робко, как та овечка, с которой шерсть состригают. Они, уж потом, когда познакомил её с ними Русик, куда оказались и строже, и суше на вид, чем родные родители Дины. В них больше та отстраненность, та непреклонная линия поведения с окружающими (в числе которых и Дина, конечно), та требовательность ко всем, что других соответствовать вынуждает их пониманию жизни, что Дину всегда возмущали в родной маме, хоть в ней их и было ещё куда меньше, и что её бунтовать побуждали всегда в родном доме. Так почему ради её неизвестных родителей, что в пять раз строже и требовательней с ней, при том не испытывая к ней, конечно же, никаких таких родственных чувств, что испытывала наверняка её мама - она готова себя расплавлять и вливать в уготованную ей чужими людьми форму, а ради родного ей человека, любимого всё-таки, нужного, как ни крути, она до сих пор не способна смириться и измениться?..

Пока Дина слушала тамаду, что читала гостям стишки и прибаутки предбрачные во дворе ЗАГСа, под строгими взглядами новых родителей и под раскатистый смех их сыночка, всё больше в ней чувство вины просыпалось. Она поступает несправедливо по отношению к родителям, не пригласив маму с папой на праздник. Она поступает несправедливо по отношению к себе, не пригласив на него и себя настоящую. Это всё слишком плохо, неправильно, странно...

Она, за копанием в этих эмоциях, мыслях, совсем отвлеклась от того, что вокруг происходит, и только заметила с удивлением в какой-то момент, что праздник, шедший так гладко до тех самых пор по сценарию, на минутку прервался и все вокруг зашептались, переговариваясь так, будто что-то идет не по плану. Дина оторвала взгляд тогда от букетика своего, на который уставившись, размышляла о том, что собой представляет сложившееся положение, и огляделась вокруг. Ничего странного особенно не происходило, но только Русик совсем незаметно исчез с того места, где был - рядом с ней - и теперь, в стороне уже, переговаривался с тамадой и каким-то парнишкой о чем-то. Дина, с места не двигаясь (ей на шпильках ходить непривычно, так лучше и не ходить, когда сильно не нужно) дождалась, чтобы он возвратился, и выслушала объяснение:

- Динок, у них небольшое ЧП. Регистраторше плохо стало - жара, духота, всё такое... Придется минут двадцать может быть подождать. Сейчас её в норму опять приведут, и потом уж распишемся, я надеюсь. Но только у нас тут ведущие до десяти - их потом отпускать надо будет, чтоб не доплачивать. В ресторане другие. У этих часть программы тут остается, которая после регистрации должна была... Давай они пока дальше всё проведут тут, как будто бы мы расписались уже?.. А потом зайдем, быстренько штампы поставим и всё?.. Да?.. Договорились. - кивнул Руся, не дожидаясь ответа, и поспешил к тамаде - давать отмашку чтобы дальше свои проводили активности.

И скоро уже Дине в руки розовоклювого белого голубя всунули, Русе тоже, и все вокруг, под предводительством погрузневшей тамады, что осталась теперь без доплаты за лишнее время, аплодировать принялись "новобрачным" и ждать, когда они выпустят голубков своих в небо.

- Русь... можно пока свадьбу чуточку отложить, а?.. - шепнула растерянн Дина довольному жениху, что сминал в руках работягу-пернатого. - Чуть-чуть...

- В смысле?.. Мы уж и так отложили - на двадцать минут целых.

- Нет... Русь... побольше... на несколько дней хоть?..

- Ты щас серьёзно?..

- Я понимаю, что это странно, но... я хочу маму позвать, Русь. Сейчас поняла... извини... Я не могу так, без мамы, за тебя замуж выходить. Нехорошо... Прости, ладно?..

- Дин, ты помешанная?.. Я тут уже всё оплатил. И медовый месяц?.. Билеты, тур уже куплены. Ты в своем уме? Это не обсуждается...

- Русь, я... Русь... - Дина растерянн поглядела на голубя, что взмыл в небо из Русиных мощных ладоней, и вспомнился снова другой - тот, распластанн по асфальту - не голубь, а месиво с перышками... Стало тошно и гадко, страшно почему-то... стало просто не вмоготу дальше здесь оставаться, и Дина, тяжело дыша, Русе тихо шепнула: - Прости Русь... Я всё оплачу... Я потом оплачу тебе... всё... Русь, я деньги пришлю за всё, как заработаю... Прости...

И девушка растерянн, испуганн, сама толком не понимая - что делает - побежала куда глаза глядят, да как можно быстрее на шпильках своих, что надела впервые в своей юной жизни. Голубь выпал из рук и вспорхнул в воздух, следом за первым, но правда в другом направлении, а Дина, споткнувшись пару раз в своей новой обуви, быстренько скинула туфли и босиком побежала через дорогу автомобильную, замирая на доли секунды перед машинами, что тормозили и громко тревожно сигналили ей и за ней ломанувшемуся следом Русику. Оглянувшись на крик, содержавший "Стой!" и её имя, и осознав, что за ней гонятся, она перепугалась сильнее некуда, как будто её сейчас киллер преследовал, а не будущий муж, и, не помня себя, побежала так быстро, как только могла, вдоль дороги, по противоположной её стороне, где наконец оказалась, прекрасно, однако, себе отдавая отчет в том, что эта попытка её - убежать - ничем не увенчается точно толковым, ведь Руся, с его атлетическим телосложением и спортивной внушительной подготовкой, нагонит её через пару минут, если даже не раньше... да и зачем, вообще, убежать?.. Зачем прерывать эту свадьбу?.. Зачем поступать безрассудно, нелепо, бессмысленно?.. Чего ей удастся всем этим добиться?.. Разве того только, что мама и папа Руслана, увидев столь эксцентричное поведение возможной невестки, ему запретят строго-настрого брать её в жены... А если и запретят?.. Хочет ли Дина, чтоб свадьбы совсем-совсем не было?.. Или хочет, действительно, только на время её отложить?.. Дина не отдавала отчета себе. Это был импульсивный побег - необдуманный, неожиданный бунт, что подняли внутри её чувства, от мыслей почти независимо. Но чем дольше она убегала от Руси, чем больше болели от камушков на дороге босые её ступни, чем страшней становилось ей в этой погоне быть пойманной, чем больше боялась она оглянуться, увидеть лицо Руси, злобой к ней возмущенною искривленное, чем больше казалось вопросом жизни и смерти убежать от него - тем больше она понимала: наверное свадьбы не хочет она совершенно. Наверное даже боится её. Наверное чувствует так её, как бы чувствовал голубь огромный блестящий лимузин на него по дороге несущийся. Да, наверное свадьба действительно будет её верной смертью - той смертью, что заживо похоронит её под колесами дорогой машины, которая движется непреклонно к каким-то своим крупным целям, и чувствовать так же способна её, как и жизнь беречь птички бесхозной какой-то. Да, Дина теперь понимала не мыслями - чув-

ствами - ей действительно страшно. Она сама, добровольно легла на дорогу перед большой, дороною машиной. Но в тот момент, когда эта машина приблизилась - проснулся инстинкт наконец-таки, может ещё и не самосохранения даже, но самосознания хоть: она жизнь, и она не должна быть раздавлена. И голубь - он жизнь. И его даже жалко. А что же она?..

- Вам помочь?..

Дина, не останавливаясь, оглянулась на голос. Парнишка какой-то сублильный - по виду судя, наверное деревенский - в старенькой Ладе катился с ней рядом на сверхмалой скорости и, широко раскрыв дверь, вопрошал о том, нужно ли помощь оказывать Дине. Она оглянулась по-быстрому на Руслана, который совсем уже близко к ней был, и испуганно, время не тратя на лишние вежливости-любезности, ответила на бегу:

- Да. Можно к Вам?..

- Садитесь. - притормозил паренек и опять толкнул дверь, что чуть было не начала закрываться.

Дина тоже притормозила и побыстрее свалилась в машину, прибрав за собой быстро платье, и дверь вместе с парнем, совместными усилиями, захлопнув. Паренек газанул. Дина вздрогнула от двух мощных ударов сбоку по стеклу - это Русик уже подбежал и ладонями пару раз вмазал по двери, чтоб обратить на себя как-то её внимание. Что-то там он кричал ей за дверью и всё удалялся - быстрее и быстрее - стоя на месте, однако, позади на дороге. Дина пару минут ещё отдышаться пыталась. И, не смотря на её ожидания, в это время расспросов о том, что случилось, от незнакомого водителя не последовало. Он молчал до тех пор, пока Дина сама, отдышавшись, прийдя в себя наконец, не сказала: "Спасибо... большое."

- Да не за что. - кивнул парень, поджав губы так, как обычно те люди, которым неловко, когда их благодарят. - Вам куда нужно?

- Я... мне... Не знаю. - Дина подумала, что домой, но потом сразу сообразила, что там её Русик и будет искать сейчас в первую очередь. Может быть даже раньше её у квартиры окажется. - Пока... Пока, если можно, я с Вами проеду какое-то время... куда Вы и сами едете... Хорошо?.. Пока что... подумаю...

- Ладно. - кивнул паренек. - Я, правда, в деревню сейчас - это за городом. Недалеко, но... Вам ведь туда не надо?.. Наверное?..

- Я... не знаю. Пока не знаю... Куда-нибудь.

- Хорошо. У нас дом с бабулей большой. Если нужно - у нас можно остановиться пока. Я понимаю - что, может быть, негде.

- Спасибо... возможно. Подумаю. Извините, что так... неожиданно. Я сама даже не ожидала.

- Да ладно. Бывает. - мальчонка чуть-чуть помолчал, дорогу перед собою рассматривая, и добавил, - Мне ба рассказывала, что когда молодая была, перед свадьбой сбежала от жениха. Их

родители поженить хотели, но не любила она его. И довольна теперь. Потом дедушку встретила, жили с ним душа в душу, пока он не помер. Так что бывает. Я понимаю.

- Ага... Да... бывает. Ну... Здорово, что у бабушки так получилось.

- Да, здорово. Ох ты!..

Парень резко затормозил и они с Диной клюнули носом синхронно, прочувствовав, сколь же хорошая штука - ремни безопасности.

- Что случилось?.. - узнала непонимающе Дина.

- Щенок. - объяснил парень кратко. - Сейчас... Посмотрю, что там.

Он вышел, перед капотом наклонился, огляделся по сторонам, и через несколько секунд увидала в руках его Дина щеночка забавного, что взмыл в воздух из-под капота и удивленно оглядывал мир теперь с высоты. Она вышла тоже.

- Како-ооой малы-ыш!.. - умилилась девушка хвостатому ребенку и погладила по головке любопытное существо с огромными висячими ушами. Дите что-то ответило на собачьем, голоском своим тоненьким требовательным, и Дина в ответ засмеялась радостно. Звёрюшек она всегда очень любила. А после стресса и шока от окружающей реальности и себя самой, такая славная милота была просто волшебной пилюлей успокоительной, разряжающей обстановку внутри и вокруг.

- Откуда он здесь интересно? - оглядывался по сторонам мальчонка, ведь было, и правда, не ясно - откуда щенок на шоссе, окруженном стеной леса хвойного. - Ты чей, а?.. - потрепал он ребенка за ушком и, получив в ответ только активнейший писк, огляделся ещё раз. - Наверное один здесь - по-моему мамы и братьев-сестренки не видно... Возьмем тебя, что-ли, с собой тогда? А?.. Согласен? - щенок что-то вякнул, вода мило лапками в воздухе, - Согласен. Поехали. У нас есть в деревне хорошая ветеринар - очень приятная женщина. - пояснил он своей босой спутнице, - Как раз ей покажем его, если надо проколем, и можно себе оставлять. У Вас есть дома кто-нибудь?.. Из питомцев?

- Нет... Нету.

- Ум... А у нас с бабой три кота, кошка, собака есть... но она старенькая. Попугай раньше жил - его дедушка как-то на рынке купил. Он у нас говорить не говорил, но вот каркать, зато, научился - почти как вороны. Коза, кстати есть у соседей. Она ещё маленькая - не наша, но к нам часто ходит на огород - дружим, в общем. Ручная, как собачонка. Играть очень любит. Особенно с мячиком.

- Здорово... Я, вот, тоже всегда хотела кого-нибудь завести. Но всё времени нет за животным ухаживать... В семье когда жили - мы с мамой тоже мечтали всё, что заведем собаку, но у нее тоже времени не было - много работы. Она даже в юности ветеринаром мечтала стать, но потом не сложилось, хотя и образование у нее есть. Отучилась, но по специальности не было просто работы - такой, чтоб платили достаточно. Тогда я родилась, и она на заводе работать пошла, чтоб ребенка кормить...

Дина договорила вслух, и продолжила мысленно говорить сама с собой, задумавшись глубоко о маме и о её жизни, под тактичное молчание своего спутника, мерный робот мотора и требовательное повизгивание лохматого найденыша на заднем сидении.

И действительно - мама мечтала совсем не о той жизни, что вела ради нее. Ради Дины. Она жила много лет, уходя каждый будний день на работу, которую не любила. Она была вынуждена жить в городе, при заводе, а не купить домик за городом, как мечтала. Она никак не могла завести собаку, которую тоже мечтала бы завести - потому что гулять с ней, кормить её, никогда не хватало ни времени, ни даже средств. Дина в школе училась и секции посещала - она тоже, уж точно, собаке была бы неважной хозяйкой. Мама многое в жизни своей променяла на счастье ребенка, и много чего изменила в себе ради Дины, и много от чего отказалась ради нее, если задуматься. А Дине, вот, не хотелось для мамы хоть чем-то пожертвовать из того, что считала она себе нужным. Она отказалась меняться и взбунтовалась решительно против всяких попыток влезть как-нибудь в её жизнь. Хотя эти попытки во благо ей предпринимались и, точно уж, не с желанием вред причинить... Ей как-то и в голову раньше не приходило сравнить, хотя знала она о том факте, что мама работу мечты променяла на прибыльную, например, дом мечты на квартирку убогую, и о многих ещё других фактах, которые говорили о том, что она ради дочки готова была чем-то жертвовать, а вот дочка в ответ, для нее - вовсе нет...

Дина только впервые сравнила, и стало невыносимо стыдно. Тотчас же сказать маме многое захотелось о том, почему всё так вышло, что двигало Диной тогда, когда убежала она из семьи, чем жила она, чего не понимала... Извиниться хотелось и объяснить, что она теперь всё поняла. Рассказать, что всегда ждала встречи, сама того не понимая, всегда очень-очень любила, всегда ориентировалась, для себя незаметно, на мамино мнение - но не чтобы послушать его, а чтоб, наоборот, изменить. Очень сильно хотелось сейчас же всё высказать маме, что в сердце скопилось... Но как же ей выскажешь, если не знаешь совсем, где она?.. Дина мысленно поискала средств как-нибудь душу излить... и решение, на первое время приемлемое, подсказал телефон, что всё время вибрировал в сумочке - это Русик, конечно, ей беспрерывно звонил. Она сбросила, чтоб не мешался, и приложение открыла с заметками. Принялась в нем строчить всё, что хочет сказать своей маме, слова подбирая точнее и ближе к тем чувствам, что были внутри, и тем самым себе их самой объясняя и истолковывая понемножку. Письмо получилось открытое, честное, сентиментальное - одним словом, такое, каким ни один разговор Динин с мамой ещё никогда в жизни не был. Возможно однажды, когда она маму найдет... как-нибудь... она даст ей прочесть, чтоб не сбиться и не того, что хотела, не наговорить, и, возможно, её мама даже простит... Может даже поймет всё, что Дина внутри ощущала, и ей самой всё понятно то станет, что побудило ребенка таким быть, каким она знала его. Может мама, не то что простит, но и поймет её полностью... вот только нужно найти её как-то сперва.

- Я быстренько бабушке позвоню - спрошу номер ветеринара, чтобы узнать: принимает она сегодня? - увидев, что Дина свой телефон отложила, предупредил паренек, - И если да - ненадолго заедем к ней сразу?.. Мне по пути. Как раз проезжать будем мимо ветклиники нашей, ещё до того, как до дома доеду. Вы не против?

- Конечно не против. Конечно.

Парень набрал номер, чуть-чуть послушал гудки, и наконец голос бабушки заговорил с того конца провода.

- Алло, Витюш?.. - Витя сделал на громкую, и поэтому Дине всё было слышно, - Слушаю.

- Ба, привет. Слушай, дашь номер Веры Борисовны, ветеринара?.. - Дина вздрогнула, услышав имя с отчеством. Эта женщина тезкой была её мамы. Вот удивительно! - Я к ней хотел бы заехать сегодня. Щенка нашли мы на трассе, вот надо бы завести, показать его. Хочу узнать - она работает сегодня?..

- Да-да, хорошо, Витюш... Дам сейчас, дам... Поищу в записной только книжке. Побудешь на связи?..

- Побуду. Давай, спасибо.

- А... ты сказал "мы нашли" - это с кем это ты?..

- А... я, это, невесту на трассе нашел, ба... Она к нам приедет пока, ладно, в гости?..

- Конечно... конечно, пусть приезжает. Гостям всегда рады. А что щеночек-то?.. Маленький?

- Ма-ааленький. Очень. Вон, я тебе сейчас дам послушать. Поговорит с тобой. - Витя руку с мобильником протянул к сиденью сзади, где лохматый малыш продолжал ещё громко о чем-то таком заявлять очень важным, писклявым своим требовательным голосом. - Слышно?.. - поднес на секунду к себе телефон, чтоб спросить, и опять вернул трубку щенку.

- Слышно-слышно!.. Ух, разговорчивый-то какой!.. Молоде-еец! Толковый парень растет!..

- А то!

- Ну, пиши... вот, нашла.

Молодой человек записал телефон и сказав "Да, спасибо, ба. Ну давай, пока. Едем.", опять стал звонить по записанному под бабушкину диктовку номеру.

- Алло?..

- Алло?.. - Дина вновь сильно вздрогнула и замерла, голос на том конце провода услышав...

- Здравствуйте, Вера Борисовна - я по поводу того, чтоб к Вам с щенком на прием записаться. К Вам можно сегодня? Мы едем сейчас через Вас. Нам щенок, вот, на трассе попался - хотим посмотреть: что он, как он. Вы не смогли бы минут через сорок принять нас?..

- Могу. Да, конечно, ждем. А ему на вид сколько?..

- Ну... Он малыш, но уже не совсем новорожденный. Я не знаю, конечно, но думаю - уж неделька-то есть может быть. А то больше.

- Ага, хорошо... А...

Вера Борисовна продолжала расспрашивать о щенке ей важную информацию, а Дина, слушая их разговор с Витей, всё сильнее и сильнее начинала дрожать неуверенно, удивленно,

испуганно... Она знала тот голос, который слышала. Знала очень и очень его хорошо. Только может ли это быть, правда, он?... Неужели... Но... время прошло. Может быть за последние годы её мама переселилась в деревню, что в пригороде, и стала, как и мечтала, ветеринаром?... Всё может быть. Это не исключено. Дина экстренно принялась перечитывать текст, редактировать, и... И потом перестала, почувствовав, что от страха сейчас всё изменит, что самое важное было, и станет письмо много хуже, чем было. Уж пусть лучше так...

- А Вас как зовут?... - узнал Витя неловко, наверное стесняясь о чем-либо спрашивать. Но Дина сейчас благодарна была за любые расспросы, которые её от тревоги отвлечь бы могли.
- А то так мы и не познакомились. Я Витя.

- Я Дина. Очень приятно.

Остаток пути говорили о жизни. От тревожившей её темы, однако, так Дина отвлечься и не смогла и, напротив, всё рассказала знакомому новому, что тревожило её сердце, что произошло с ней давно и недавно, встретив только тактичное очень в ответ понимание, и улынувшись невольно растерянно несколько раз, когда молодой человек замечал, что она очень даже красивая девушка, если речь заходила о прежних и нынешних её комплексах и их последствиях, да что очень она даже мило и не нелепо ни чуть носом шмыгает. И, конечно, к концу пути он уже знал о том, что в ветклинике Дина сейчас ожидает увидеть свою маму впервые за несколько лет, и о том, что она теперь даже не знает - с чего же начать разговор, и как появиться так, сразу. В конце концов он предложил, уже подъезжая к деревне:

- Я могу взять письмо в телефоне и зайти сам пока, первым, к Вере Борисовне - объяснить ей всё как смогу... ну, помягче... чего, да как. И дать почитать. А потом и ты зайдешь. Хочешь?..

- Да... Я думаю - так будет здорово. Если... ты сможешь - спасибо...

Так и поступили. Парнишка ушел с щенком и письмом в телефоне в небольшую "ветклинику" деревенскую, предварительно Дине достав из багажника тапки, которые про запас там лежали "чтоб она не ходила по гальке по острой босая - тут камушки острые", и девушка, по двору у машины расхаживая нервно в своем длинном платье и тапках огромных, принялась ждать вестей о здоровье щенка и своих отношений семейных. Тапки шлепали по траве и по галькой усыпанной мелкой дорожке, а легкие глубоко и тревожно вдыхали чудеснейший воздух деревни и ближнего леса, пальцы друг друга заламывали, разминали, а мозг путешествовал с одной темы на другую - то размышляя о том, как прекрасно в деревне, то о том, как прекрасно собаку иметь, то о том, как же страшно сейчас... то о том, как же в длинном таком платье, всё же, ходить интересно - как будто принцесса... то о том, что подол ведь сейчас об траву весь испачкает... то о том, как в былые века, интересно, не пачкали платья изящные леди, которые только в таком и ходили?... То о том, что сейчас она точно заплачет, если маму увидит... То о том, что бывают ребята хорошие и внутри самых стареньких даже, дешевых машин, и сердца неплохие внутри очень странных, не слишком-то идеально красивых, накачанных внешне людей... то о том, как у хлипких, субтильных людей таких могут быть тапки сорок шестого размера... О чем только Дина не думала, пока наконец дверь "ветклиники" не отворилась, и в желтом прямоугольнике света не появилась чуть постаревшая, но и помолодевшая в чем-то с последней их встречи мама Вера Борисовна в белом халате, а позади нее - Витя, робко выглядывающий наружу с щеночком в руках.

- Дочур... Ты отлично выглядишь. - поглядев на дочу, смахнула с глаз Вера Борисовна,
- Тебе очень-очень идет... Привет.

Обнимашки. Конец.

А вернее - начало. Ещё одно, новое. И щеночек скулит очень радостно - саундтреком на фоне финальных книжных титров.

Осталось мне только сказать Вам, что скоро, и правда, отправила Дина все деньги за праздник, и тур, и билеты, Руслану. Но он ей прислал их обратно и поговорили по телефону чуть-чуть, объяснились, да и помирились практически. Руся сам так вот, говорит, и подумал, что глупо жениться на ней ему было, когда он особо любви не испытывал. Дина, правда, девчонка толковая, но не совсем в его вкусе. Так и зачем?.. И остались друзьями. Скоро даже на свадьбу свою с Витей Русика Дина по-дружески пригласила. Он приехал, вдохнул деревенского воздуха, полюбовался рекою и лесом, которые ему местная девушка Нина (толковая очень, конечно же) любезно показала, и решил что ему больше нравится здесь, чем в большом, шумном городе. Теперь домик строит в деревне, свой собственный, двухэтажный, а девушка Нина строительством руководит. Её Русик слушается беспрекословно в вопросах дизайна касающихся и жизни - уж очень он мозг её и характер стальной уважает. И Дине так кажется, когда с этой парой встречается она иногда на улочках деревеньки и в её окрестностях, что Русик счастлив как никогда быть ей послушным - наверное не был бы счастлив так с Диной он, даже если б она, стань в тот день судьбоносной ему настоящей женой, беспрекословно его всегда слушалась. Наверное - это любовь. Настоящая. Как и между ней с Витей.

И обязаны все они этой, самой счастливой, любовью, во многом и голубю, что погиб возле дома их автора, ну хотя бы отчасти не зря.

16-26.06.26

Два в одном

Чем отличается манипулятор от истинно любящего человека?.. Порой очень сложно, действительно, определить, отличить это сразу же - с первого взгляда. Порой тот, кто истинно любит, скрывает как раз проявления любви, как и добрый хозяин скрывает в надежнейшем сейфе свою драгоценность. Порой не понять сразу Вам, что он, правда, живет этим чувством, которого как бы не видно. Порой же, напротив - тот, кто лишь пытается изобразить бурю чувств, выставляет легко их всем напоказ. Ведь они для него не имеют действительной ценности, а поэтому смело показывать может он первому встречному то, что совсем своей ценностью не считает, не страшась, что украдено может быть - безделушка какая! - но надеясь, зато, может быть, как реальную ценность представив, продать подороже.

Порой отличить очень сложно. Но всё-таки можно, особенно в случае том, если Вы призовете на помощь себе Божью мудрость, и с нею в союзниках смело ступить Вы решитесь на путь распознавания и различения.

Главный признак, наверное - это как раз-таки то, как Вас ценят в действительности: ценят искренне, горячо, как нужнейшую вещь?.. Или пренебрегают, как вещь совсем маловажной?.. Помогают почувствовать как Вы важны?.. Или только лишь заставляют почувствовать что Вы ценности никакой не имеете?.. Обратите внимание на чувства: на Ваши, вот именно, чувства к себе, что у Вас появляются при общении с человеком. То, как кто-то (любимый особенно, ценный Вам) к Вам относится, отражается в Вас и на Вас. Если Вы ощущаете, что теряете ценность в своих глазах - значит нужно бы поостеречься. Если приобретаете - это хороший Вам знак. Тот, кто любит действительно, никогда не захочет дать Вам ощутить, что Вы вовсе не значимы. Тот захочет, кто хочет, чтоб Вы полюбили. Не захочет действительно любящий привязать Вас к себе осознанием, что Вы без него ничто - тот захочет, кто думает быть сам любим. Человек, правда любящий, сам привязывается. Манипулятор же начинает привязывать.

Привязывать может по-разному - всякими методами - но всегда с неизменной целью: дать Вам понять, сколь незначимы Вы, и насколько значителен он.

Из первых признаков, что заметны бывают уже на начальных этапах общения, можно назвать избегание, пренебрежение, презрение, вынужденность в общении, усталость от Вас и насмешки, легчайшей иронией обличенные - всё при том, что особенно далеко отпускать от себя Вас вроде бы не собираются.

Вас могут заставлять себя ждать, приманив обещанием встречи, которая вовсе могла Вам быть не нужна, но застрянет теперь в голове и тревожить её с тех пор будет своим вероятным когда-нибудь воплощением в реальность. Вас могут хвалить, приучая к своим комплиментам - своим одобрением спаивая понемножечку, незаметно Ваш трезвый рассудок и трезвое же самомнение. И если Вы раньше спокойно без тех похвал жили, то скоро зависимы станете от напитка пьянящего, и тогда-то его Вас начнут и лишать - бранить станут всё чаще и осуждать - чтобы Вы всеми правдами заслужить попытались хоть каплю напитка привычного из графинчика тех лживых уст. Вас могут вводить в заблуждение, и тем самым Вас заставлять сомневаться в реальности, что, какой бы она несомненной для Вас ни была, всё же будет положена Вами на чашу весов против ныне услышанных утверждений, и пусть даже и сразу решительно перевесит - но будет иметь шанс впоследствии скинутой быть с этой чаши. Ведь мнение манипулятора с тех пор будет куда ближе к мнению Вашему, и иметь будет шанс на него повлиять, раз подпущено было так близко для взвешивания.

Не испытывая и реальных симпатий к Вам как к человеку - лишь распознавая удобное в Вас существо - позволять человек такой будет себе и намеренные выражения антипатии - не соответствующие по силе реальным, а превышающие их в каких-то моментах, и наоборот,

ещё не достигающие в других. Там где искренняя неприязнь прикрывается симпатией будет - там Вы, по их плану, должны испытать чувство счастья, что Вас принимают хоть здесь, а оно - появлением своим быть обязано чувству, что Вас, вот такого, принять не смогли бы - тому, что рождается там, где их истинное осознание ценности Вашей, почти что симпатия к Вам, прикрывается выраженной неприязнью.

Да, такой человек - он обычно осознает всю ту ценность другого, из-за которой-то и идет на подобные ухищрения. Осознает, но вот не признает. Он её только ценит как средство: то средство, которое можно использовать, но отнюдь не как ценную вещь. Ценность нужного манипулятору человека, в его понимании, подобна бумажным деньгам, за которые можно приобрести блага, но которые сами, в отдельности от того, что они могут дать - не имеют особенной ценности - просто бумажки и только. Тот человек же, что любит и ценит действительно человека другого - считает его драгоценной вещью: имеющей стоимость и такую, которую определяют его драгоценные свойства, и такую, которую определяют те чувства, что сам человек к драгоценности этой испытывает - одним словом он видит и собственно ценность другого, и придает ему ценности, так же, своим отношением.

Я к чему это всё?.. А к тому, что как раз у героя у нашего (а точнее - героини. Обычно бывают мужчины манипуляторами, ведь женщиной легче, казалось бы, манипулировать. Но случилось теперь ровным счетом обратное) есть задатки, пока что, и одного и другого. Оля - так героиню зовут, познакомьтесь - пока что в душе своей чувствует два, совершенно полярных, желания: правда любить и расчетливо пользоваться. Одно появляется в её сердце, другое - в уме. Человеку по имени Оля ещё лет немного, и не большое количество опыта есть в её багаже, а, что самое главное - не большое количество знаний. В тех умах, где почти знаний нет и, что, кстати, особенно страшно - желания нет получать их - на месте пустующем разрастаются зло и грехи. Их обмысливать начинает скучающий мозг, что желания работать над добрым не изъясляет. Вот и Оля, какой бы она ни была, в целом, не отрицательной девушкой - но была туповата, сказать если вкратце (и туповата по собственной воле - ведь глупость на свете совсем никогда не бывает такою, которую мы бы не в силах на мудрость в себе были всё-таки заменить), а потому отрицательность к ней, в опустевший ум, часто заглядывала. И хотя ещё, в целом, надолго там не закреплялась - но всё же визиты уже наносила с завидною регулярностью. Отрицательность эта впервые ей и нащептала по-свойски, что было б достаточно классно, наверное, ощутить свою власть над таким человеком, к которому сердце советовало испытать лишь любовь и покорность счастливую, добрую и абсолютно взаимную.

А человек этот был - её Ваня. Он сам не знал даже ещё, что он, правда, её - только смел очень робко надеяться. Оля же понимала - её обладание им (его сердцем, сознанием, мыслями, чувствами) абсолютно бесспорнейший факт. В том сомнения нет, что для Вани желание самое главное в жизни - отдать эту жизнь в её девичьи руки.

Так в Оле боролись желание властвовать и подчиняться, лечить и ранить, дарить смех счастливый и горькие слезы, смеяться самой зло, злорадно, как фурия и лить слезы чистейшего счастья, в любви обретенного. В ней боролись два этих желания, и манипулятор в какой-то момент стал пересиливать в ней человека. И хотя её преданный более, чем возможно быть на земле, Иван-дурак, как она его ласково называла (опять же влияние манипулятора внутреннего, что и приятное, и неприятное говорить, и ласкать, и отталкивать одновременно заставляет) привязан и так был уже хуже некуда - хотелось садисту, внутри у нее воцарившемуся, привязать ещё лучше - так сильно к себе притянуть, затянуть все узлы, чтоб веревки вгрызались мальчишке в живую плоть и до крови её раздирали - тогда бы вампир её внутренний смог с упоением жажду свою утолить. Оля с каждым днём больше и больше, под этим противным воздействием внутреннего вурдалака, в тирана и деспота превращалась. И окончательно уж

потеряла лицо человеческое в тот самый день, когда и развернулись события, о которых сейчас я поведаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.